

Фантастические миры

Константин КАЛБАЗОВ

ФАВОРИТ

Боярин

Константин Георгиевич Калбазов

Фаворит. Боярин

Серия «Фаворит», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25914584

Фаворит. Боярин: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2017

ISBN 978-5-9922-2540-2

Аннотация

Угораздило же нашего современника Ивана Рогозина, мужчину среднего возраста, оказаться в конце альтернативного семнадцатого века! С одной стороны, вроде как обретенная молодость, и сейчас ему не сорок с лишним, а всего двадцать два. И весь его багаж знаний и опыта остался с ним. И перспективы безбедного существования очень даже реальны. Но, с другой стороны, на плечах Ивана Карпова, как теперь зовут попаданца, оказался стрелецкий кафтан, а сам он на пожизненной государевой службе. И мотает его от Урала до Крыма... А как иначе, отныне его удел – огонь и гарь сражений до конца дней. Однако жизнь выкидывает очередное колено. И вот он уже в гуще интриги, цель которой ни много ни мало бескровное присоединение вольной земли Псковской к Русскому государству. Интересно? А Ивану, признаться, уже надоело.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	42
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Константин Калбазов

Фаворит. Боярин

Глава 1

Псковская земля

Лиза, сидя на кровати, наполовину укрытая одеялом, рассерженно выдохнула и опустила прочитанное письмо на колени. Потом откинулась на спинку постели, посмотрела на внимательно вглядывающегося в нее мужа.

– Ну и что ты хочешь от меня услышать? – пожала плечами она.

– Я хочу знать, правда ли то, что пишет мне сестрица?

– Сестрица¹ у тебя страсть как прозорлива. Пошла гулять по Москве сплетня, а она и рада разнести ее еще дальше. Да хоть до Пскова, – явно не питая нежных чувств к золовке, ответила молодая женщина.

Потом поерзала, поудобнее пристраивая выпирающий живот. Недолго осталось. Даша – та уж отмучилась и теперь не наладуется на свою дочурку. А ей вот еще около месяца дохаживать. Ну да ничего страшного. Не она первая, не она

¹ В реальности у Ивана Юрьевича Трубецкого был только младший брат. Сестра – это допущение автора ввиду некоторого отличия в исторических фактах. – *Здесь и далее примеч. авт.*

последняя. Если только ее не станут донимать разными глупостями!

Нет, понятно, что дыма без огня не бывает. И причина для подобных слухов и пересудов вроде как есть. Но только и того, что вроде как. Ведь на деле-то ничего не было. И уж кому, как не князю, знать доподлинно, что она была невинна. А потому и слышать от него подобные вопросы до крайности обидно.

Тем более когда это исходит от княгини Троекуровой. Сестра мужа невзлюбила невестку, и это еще мягко сказано. Несмотря на то что та находилась бог весть где, Елена всячески старалась ей насолить. Ну а как она могла это сделать? Правильно, в письмах к братцу. Они с сестрой были очень дружны.

А все из-за злопамятного характера молодой княгини. Впрочем, насчет молодости – это спорно, потому как той исполнилось тридцать три. Было дело, Елена Юрьевна хотела получить место товарки при супруге Николая, тогда еще цесаревне, Ксении. Да с легкой руки тетки царя Ирины Васильевны и, соответственно, Лизы осталась ни с чем. Великая княгиня справедливо рассудила, что та больно уж стара для окружения юной невестки. А воспитательница у Ксении уже была.

Портить кровь тетке Ирине у Елены кишка тонка. Вот и отыгрывается на жене брата. Сильно-то нагадить не получится, все же та не из простых. Но если исподволь, то отчего бы

и нет. Особенно если гадость – как бы и не ее рук дело. Она что? Всего лишь передает гуляющий по Москве слух. И не более. Просто чтобы милый братец имел в виду, что до него может дойти эдакая сплетня.

– Лиза, это не ответ, – покачав головой, возразил князь.

– Да какого ответа ты от меня ждешь, Ваня?

– Правдивого.

– Правдивого?

– Да.

– Ладно. Тогда слушай. Да, я бегала тайком на гулянье в Стрелецкую слободу. И что? Это преступление?

– Далее сказывай, – набычившись, потребовал муж.

– Далее – я действительно увидела там стрельца по фамилии Карпов, и он мне впрямь понравился. Выспрашивала про него, вздыхала да охала по младости лет. Потому как забила себе голову разными бреднями из рыцарских романов. А уж когда он спас де Вержи от кабана, так и вовсе стала почитать его за героя.

– И?

– И все, – вновь пожала плечами Лиза. – Да мы, считай, больше и не виделись. Ну, может, раз или два, мельком да при большом стечении народа.

Она уже давно готовилась к этому разговору. Вот не могли слухи не дойти до мужа, и все тут. Опять же, и тетка советовала не врать. Чтобы окончательно не запутаться и не быть уличенной во лжи, нужно говорить правду и только правду.

Ну разве что малость недоговаривать.

– Сестрица мне об ином пишет, – кивок на лист бумаги, лежащий поверх одеяла.

– Елена Юрьевна еще не то напишет, только бы разлад меж нами посеять, – фыркнула Лиза. – У самой-то с мужем не ладится. Он то и дело на сеновале со служанками озорует. Вот и льет помои. Да не смотри ты на меня так. Знаю, как ты ее любишь, и молчала всегда. Но тут уж она через край преступила.

– Ясно.

Вот так, обронил и с самым решительным видом обернулся к двери. Это еще что такое?! Несмотря на поздний срок и выпирающий живот, Лиза подскочила с постели и, прошлепав босыми ногами по полу, заступила Ивану путь к двери. При этом она двигалась столь стремительно, что едва не погасила свечи в канделябре. Не к месту мелькнула мысль, что уж давно пора бы обзавестись новомодными фонарями-карбидками.

– Ты куда собрался, Ваня? – эдак вкрадчиво буквально прошипела она.

– Переночую на мужской половине, – буркнул в ответ остановившийся Трубецкой.

Хм. Вообще-то разделение на мужскую и женскую половины у русской знати уже давно осталось в прошлом. Лишь за редким исключением, когда супруги сходились вместе только ради обзаведения потомством. Браки-то по большей

части оговаривались родителями или являлись союзами между двумя родами. Потому и случалось, что супруги волком друг на дружку глядели.

Однако это было редкостью. И каждый такой случай становился объектом пересудов и насмешек. Лиза никому не позволит выставить себя на посмешище. И над мужем потешаться не даст. Потому как она жена боярина и князя, но не скомороха.

– Нет у нас мужской половины, – решительно рубанула Лиза. – И пока я жива, не будет. Опозорить меня решил? Ленка, змея подколодная, всякую дрянь пишет, а ты и веришь. Иль забыл нашу брачную ночь? А ну, живо под одеяло. Я, чай, не вдова в холодной постели спать.

– А все ли письмо ты прочла, жenuшка? Чай, там прописано и о том, что невинность девичью по силам вернуть любому лекарю. А уж Рудакову, коий почитается...

Х-хлесь!!! Щеку ожгло пощечиной, оборвав его на полуслове. Рука у Лизы оказалась тяжелой. На что Трубецкой был статен и крепок телом, а головой мотнул так, что позвонки едва не хрустнули.

– А ну, пшел вон отсюда, – разъяренно прошипела она. – Захотел мужскую половину? Будет тебе мужская половина. На вечные времена будет.

В последний раз боднув мужа яростным взглядом, Лиза решительно обошла его и направилась к постели. Двумя пальцами, как нечто мерзкое и грязное, подобрала все так же

лежащее на постели письмо Троекуровой. Глянула недочитанный текст. Так и есть, о гадости этой эта змея написала, а не муж сам измыслил. Уронила листок на пол. Брезгливо передернула плечами и решительно залезла под одеяло, от-вернувшись от мужа.

Иван с минуту простоял, понурившись, у двери, потом тяжело вздохнул и подошел к постели. Разделся, лег и попытался обнять жену. Но та только раздраженно дернула плечом, сбрасывая мужнину руку. И вторая, и третья попытки закончились так же.

– Лизонька, ладушка моя, ну... Ну прости ты меня, дурака. Но что мне было думать, кому верить? Появляется сначала этот Карпов и желает осесть на псковских землях. Следом гонец с требованием царя выдать государева преступника. И тут ты – вступаешься за него. Да еще как! Приходишь на совет и обращаешься прямо к боярам, убеждая их в том, что Пскову от этого беглого только польза великая будет. А потом это письмо.

– Мне ты верить должен был, Ваня. Словам моим и делам, – пробурчала она.

– Да я... – начал было он.

– А еще разуму своему, – рывком сев и обернувшись к мужу, вновь оборвала мужа Лиза. – Твоя сестрица напрасно пишет гадости про тетку Ирину. Та, конечно, не без греха. Да только она даже своим полюбовникам никогда не изменяла. И мужу верна будет до гробовой доски. И то всем хоро-

шо ведомо. Ты же умный, Ваня. Подумай своей головой, что бы она сделала со стрельцом, рискнувшим крутить шашни, кроме нее, еще с кем-нибудь? Карпов, чай, не дурак.

– Лиза...

Трубецкой вновь попытался обнять жену, но та вновь стряхнула с плеча его руку. Потом прошла к своему секретеру. Открыла ящичек, извлекла одно из писем и передала мужу:

– Читай. То письмо братом тебе писано. Поначалу-то они с тетужкой не хотели мне ничего говорить. Да потом одумались, что не стану я за Карпова так-то заступаться. Вот и отписали мне.

– погоди, так это получается...

– То не побег был. Потому как и преступления никакого не было. Игра одна. Руку Николая, надеюсь, ты узнаешь?

– А чего же меня не упредили? – раздувая ноздри, как разозленный бык, угрюмо бросил князь.

– А смог бы ты сыграть так, чтобы все поверили? Вот то-то и оно. Зато теперь «литовцы» и «новгородцы» станут за Карпова драться и перетягивать его на свою сторону. Потому как он очень скоро тут развернется от всей своей широты. Он умеет. И сюда прибыл не с пустыми руками, а с полной мощной. Ну а вместе с ним и меня к себе потянут, чтобы клин меж мной и братцем вбить.

– Лиза, прости ты меня, дурака грешного.

– За Карпова прощаю. А вот за то, что во мне усомнился,

я еще подумаю. Крепко подумаю, Ванечка. Так что если не хочешь позора, укладывайся-ка ты на полу. А нет – так дверь вон она.

– Лиза...

– Иного не будет, – решительно мотнула головой супруга.

Будущая мать аккуратно устроилась на постели. Сбросила на пол подушку. Указала на покрывало. Отвернулась и с нескрываемым недовольством накрылась одеялом. Трубецкой постоял над постелью какое-то время, а потом, что-то недовольно бурча себе под нос, начал устраиваться на полу.

Слушая это, Лиза мстительно улыбнулась. Вот, будешь знать на будущее! Именно что на будущее. Да, Ваня глуп, ревнив и пошел на поводу у своей сестрицы. Но не дурак. Способен признать свои ошибки. Ну и повиниться не боится. Вот и ладушки.

Но прочить его все же нужно. Чай, у них вскорости будет настоящая семья. Вот только с примирением надо малость погодить. Пусть бояре покрепче уверятся в том, что меж молодыми разлад. Ване снова даже играть не придется. У него все на его облике написано. А там уж и помирятся, и сыграют.

– А в чем хитрость-то, мил-человек? – послышался из толпы бас, в котором угадывалось искреннее удивление.

– Никакой хитрости, – отыскав взглядом здоровенного мужика с окладистой бородой, ответил Карпов.

А хоро-ош! Ну чисто богатырь. Впрочем, время такое. Худосочным кузнец не может быть по определению. Тут механический молот – эдакая невидаль, так что приходится все больше ручками. А еще – ворочать тяжелое железо. Иван, конечно, и сам не мелок, помахал в кузне молотом, но с этим, пожалуй, все же тягаться не стал бы.

– Вот гляжу я на этого москвича, мужики, и удивляюсь, отчего они там у себя на Москве нас за дураков держат. Вот ты говоришь, что станешь платить любому, кто тебе понесет руду, по десять копеек за пуд. Так?

– Так, – подтвердил Карпов.

– Из десяти пудов болотной руды выходит пуд доброго железа, стоит тот пуд один рубль и двадцать копеек. Убери подати за леса, где ты будешь валить деревья, выжег угля, плату работным людям, ить сам ты не станешь целый день возиться у домницы, и что тебе останется? Слезы. Да с таким прибытком и за дело браться не стоит. Вот я и спрашиваю, в чем хитрость-то?

– Ишь какой. Все посчитал, – уважительно произнес Иван. – Твоя правда, есть хитрость, вот только она не про твою честь. Я к тебе в кузницу нос не сую, так и ты ко мне не суйся, – жестко отрезал он. – Главное, что должен знать честной народ, – за пуд промытой и высушенной руды я плачу десять копеек, без обмана. Остальное – только моего ума дело.

– И что, коли я доставлю сотню пудов, так ты мне десять

рублев уплатишь? – подал голос плюгавый мужичок крестьянской наружности.

Вообще-то, странно видеть на вече крестьянина. Раньше Иван полагал, что при звоне вечаевого колокола на площади собираются все кому не лень и всем миром решают возникающие вопросы. Действительность же сильно отличалась от его представлений.

На вече сходились только выборные от концов и слобод города. Там, в свою очередь, были концевые и слободские веча. Если собрание не спешное, а назначенное заранее, то подтягиваются выборные и из пригородов². Далее шло малое вече. Там уж простых ремесленников не встретить, сплошь знать да купцы. Из них же состоял и управленческий аппарат. Ну и как высший орган – совет бояр.

Вот такая демократия. Правда, с рядом ограничений. Выборным мог стать только житель города или пригорода. То есть самое малое ремесленник. Крестьянам ход на вече был заказан по определению. Их интересы представляли помещики. Этот же мужичок по виду явный крестьянин. Впрочем, скорее всего, Иван ошибается. Не потерпят на вече нарушения утвердившихся порядков.

– Коли не надорвешься, можешь доставить и тысячу пу-

² **Пригороды** – в Псковской республике города-крепости, защищавшие подступы к Пскову. Они играли также роль торговых пунктов, обеспечивающих удобную переправу по торговому тракту из Москвы и Пскова на Литву и Польшу. Одни пригороды строились, другие разорялись, но их никогда не было больше 12, а население редко превышало 1000 человек.

дов, – глянув на мужичка, предложил он. – Выплачу сто рублей, копейка в копейку. Только помни, что руда должна быть промытой и высушенной.

– Ага! Я все понял! Станешь придирааться к сырости и грязи и платить куда как меньше, – осенило кузнеца.

– Не угадал, – развел руками Иван. – Грязную и мокрую руду я вообще не стану принимать. И не ищи подвоха, кузнец, там, где его нет. Сам же сказал, что на дурака я не похож. А тут вдруг попросил дозволения обратиться к вечу и стану вилять задом, чтобы с меня потом спросили по закону.

– А сбежишь? Чай, к нам из Москвы сбеж, – не унимался кузнец.

– Это да. Тут ты меня поймал. Бежать с тысячей пудов руды или сотней пудов железа куда сподручнее, чем со ста рублями.

В ответ на явную издевку толпа грянула дружным хохотом. Ну ясно же, что кузнецу не дает покоя верный способ выделки железа, известный москвичу и неведомый ему. Жабба – она такая, почитай, любого, как ржа, сожрет.

– Ну что, господин Псков, есть еще вопросы к Карпову Ивану Архиповичу? – выступил вперед боярин Пятницкий.

– Да нет боле вопросов, давай уж решать, Ефим Ильич. То Луку завидки берут, вот и мутит воду, – подал голос один из псковичей.

Его тут же поддержали остальные. Послышались насмешливые выкрики в адрес кузнеца, посвист и улюлюканье. Тот,

в свою очередь, вяло и добродушно отмахивался от донимающих его горожан, как это и присуще людям, наделенным недюжинной силой, но не привыкшим ею бравировать попусту. Эдакий добродушный мишка. Вот только лучше бы поостеречься злить таких добряков. Чревато.

– Ну что же, господин Псков, тогда скажи свое решение. Дозволим ли мы Карпову Ивану Архиповичу пользоваться леса в пяти верстах окрест его вотчины с подношением податей в казну?

– Дозволяем.

– Пускай работает, – тут же послышались голоса, которых было явное большинство.

– Так тому и быть, господин Псков. Ступай, Иван Архипович, отныне у тебя есть дозволение Пскова, – заключил боярин Пятницкий.

А чего тянуть? Все, что нужно, сделано. Разве только уважить честной народ благодарственным земным поклоном да сойти с помоста. Сегодняшнее вече было запланированным, а потому и присутствовало большинство вечевиков всей псковской земли.

Вот ведь, даже не княжество. Это в мире Ивана распространение информации, и уж тем более рекламы, из уст в уста – невообразимый анахронизм. Здесь же – самый что ни на есть эффективный способ. В этом мире с развлечениями так себе. А потому и все новости расходятся, подобно лесному пожару. Правда, при этом обрастают такими подроб-

ностями, что подчас правду от вымысла уже не отделить. Но, с другой стороны, кто-то заинтересуется. Попробует. Непременно заработает, и тогда уж слухи начнут обретать материальность.

Идея с обращением к вечевикам, чтобы они донесли весть до всех пределов, принадлежала боярину Пятницкому. Оно ведь все одно обращаться, потому как сегодняшняя металлургия крепко завязана на древесный уголь, а значит, и на лес. А его понадобится очень много. В десятки раз больше, чем было в вотчине, выкупленной Иваном втридорога все у того же Пятницкого.

Ага. Иван теперь вполне мог именоваться помещиком, потому как стал обладателем двух семей общим числом в двадцать три души. Шесть работников мужеского полу, семь баб и девок от тринадцати до сорока лет. Остальные – мальцы от года до девяти. При них двадцать десятин пахотной земли, столько же выпасов и сенокосов. Да неугодий, то есть лесу, тридцать десятин. Только деревья там уж больно худые. И за все это добро Карповым было уплачено пятьсот рублей. Грабеж!!!

Ну да деваться некуда. Нужно же как-то корни пускать. А то ведь он тут никто и звать его никак. Теперь же за ним и земляца, и людишки. Да и местечко в восьми верстах от пригорода Остров, на берегу речушки Пенной, ему подходило как нельзя лучше. На реке вполне можно поставить плотину для привода механизмов будущего завода. Опять же,

Великая – вот она, под боком, а значит, и суда с иноземной рудой легко подойдут, и купцам куда пристать будет. Планы у Ивана были большие.

Хм. Знали бы господа бояре, насколько большие, наплевали бы на выгоды от возможной размолвки великой княгини и царя. Причем все без исключения бояре. Впрочем, это дело будущее. Пока же все больше тишком да бочком...

Выйдя из толпы, Иван с удовольствием поднял голову и глянул в синее небо. Май выдался теплым, что не могло не радовать. Птички поют, вокруг зелень... Точнее, сейчас все больше белого, потому как самая пора цветения плодовых деревьев. А они тут повсюду. И просто одуряющие запахи весны.

Поправив шапку, Иван пошел прочь с соборной площади псковского крома³, где и проводились собрания веча. Оно еще не закончилось, и на помосте уже выкликают следующий вопрос, достойный внимания вечевиков. Вообще-то, сомнительно, что даже его проблема должна была обсуждаться толпой. Тут и органы самоуправления вполне справились бы. Ну да Пятницкому виднее, как и что устраивать. А может, бросая народу вот такую мелкую кость, бояре и малое вече отвлекали их от более серьезных вопросов, решая их кулуарно.

Едва только вышел за ворота, как сзади тенями пристроились двое здоровяков. Борис и Емеля, его боевые холопы.

³ **Кром** – псковский кремль.

Они теперь всюду сопровождали Ивана. От греха подальше. А то случались прецеденты. Эти же ребята проверенные и присягой повязанные. Конечно, у современников Ивана понятие «долг, честь, присяга» по большей части вызывает усмешку. Но только не у местных аборигенов. Для подавляющего большинства из них клятвы и честное слово священны.

Что за такие метаморфозы? Какие современники и при чем тут аборигены? Да, в общем-то, все просто и невероятно сложно одновременно. Во всяком случае, Иван понятия не имел, как объяснить все то, что случилось с ним пять лет назад.

Это он сейчас крепкий, высокий и статный парень двадцати двух лет отроду. А тогда ему было за сорок, он уже лысел и был состоявшимся дядькой, возившимся в свое удовольствие в собственной мастерской. И жил не в конце семнадцатого века, а в начале двадцать первого. Интересно? А уж ему-то как интересно, просто жуть.

Так уж вышло, что в своем времени, или все же мире, Ивана Рогозина сбил автомобиль, и очнулся он в прошлом, в теле подростка Ивана Карпова. Причем не просто в прошлом, а альтернативном. Многие было схоже с его миром, по крайней мере, из того, что помнил он. Но хватало и отличий.

К примеру, России нет, как и царя-реформатора Петра Великого. Хотя молодой реформатор все же сейчас восседает на русском престоле. Только зовут его Николаем из рода

Юриковичей. Вот так.

Русское царство присутствует, но в сильно усеченном виде. Новгородские земли вполне даже превосходят его по площади, так как, кроме северных территорий, простираются на Северный Урал и дальше в Сибирь и на Дальний Восток. Псковская земля в сравнении с этими двумя гигантами – сущий карлик. И населения тут всего-то около шестидесяти тысяч человек. Есть Гетманщина по левобережью Днепра. Ну и земли донских казаков. Как-то так.

Ивана угораздило оказаться в теле паренька семнадцати лет, который, по всему видно, должен был умереть. Душу из этого тела уж точно вытряхнуло основательно. За прошедшие годы Иван ни разу не почувствовал чужого присутствия.

Когда ему стукнуло восемнадцать, отец, не спрашивая согласия, записал Ивана вместо себя в стрельцы. Общеизвестная практика, хотя и не сказать, что парню... Хм. Ну да. Теперь уже парню. Так вот. Не сказать, что ему это понравилось. Но и выхода иного не было. Пришлось влезать в стрелецкий кафтан и идти на государеву службу.

Послужил, чего уж там. Всего-то четыре года в стрельцах, а его уже помотало от Урала до Крыма. Причем за этот короткий срок он умудрился подняться сначала до сотенного, а потом еще и получить дворянское звание. Не без помощи полюбовницы, сестры покойного царя и тетки нынешнего, но в большей степени все же благодаря своим талантам. Под конец же угораздило оказаться обвиненным в преступлении

против престола. Едва ноги унес из царских застенков.

Именно так звучала официальная версия. По неофициальной он прибыл в Псков, чтобы мутить воду в пользу Москвы. При этом противники русского царя должны были считать его чуть ли не личным врагом Николая. Да и считали, чего уж там.

Н-да. Ну, мутить воду или нет, а устраиваться по жизни нужно и здесь. Вреда точно не будет. Вот Иван и крутится, заводя знакомства, обрастая связями и строя планы на будущее. А как же иначе? Если жить только днем сегодняшним, то долго не протянешь.

Миновав Средний город, прошли через одни из четырех ворот в город Окольный. Есть еще один основной район, называется Запсковье. Постепенно расширяющемуся городу наконец стало тесно на клине, образуемом реками Великая и Пскова, поэтому городская стена перекинулась через реку и охватила часть территории уже на правом берегу последней. Оттого и Запсковье.

Вообще, коль скоро, по меркам Ивана, даже Москва была тесной и скученной, то о Пскове и говорить нечего. Эдакий треугольник с кромом в качестве вершины, от которого до основания около версты. Ну и само основание – порядка полутора. Так что до нужного постоянного двора на Михайловской улице у Михайловских же ворот дошли быстро.

– Здравия тебе, Авдей Гордеевич, – присаживаясь за стол напротив крепко сложенного мужика, поздоровался Карпов.

Вот взглянешь на него, и сразу понятно, в кого удался статью Гаврилы, один из компаньонов Ивана, закупавшийся товаром в его московской мастерской и металлом в Карповке. Как Иван и предполагал, казна хотя и обязалась выкупать у его батюшки весь металл, сделать это оказалась не в состоянии. Воров да казнокрадов на Руси всегда хватало. Вот и не нашлось средств на закупку немалой части железа и стали. Ну а коли казна не выкупает задешево, то не грех и стороннему купцу отдать, подороже.

– И тебе поздорову, Иван Архипович, – степенно ответил купец.

Иван подозвал подавальщицу, сделал заказ как себе, так и Емеле с Борисом, пристроившимся за соседним столиком. Ничего страшного в том, что они отвлекутся на еду, Карпов не видел. Служба службой, а обед по расписанию. Опять же, принимать пищу можно и поочередно. И вообще, учить этих двоих их ремеслу – только портить. Взрослые мужики с изрядным опытом за плечами.

– Ну как наши дела? – поинтересовался Иван, едва подавальщица отошла в сторону.

– Хороши дела, чего уж там. Со шведами договорился, осталось дело за малым, – явно довольный собой, ответил купец.

– Корабли заложил?

– Четыре большие ладьи по двенадцать с половиной тысяч пудов каждая. Уж к середине июня выйдут в море. За эту на-

вигацию успеют сделать по два рейса. Сто тысяч пудов руды. Вот убей, а я не представляю, как ты столько переваришь.

Два рейса – это серьезно, с учетом того, что каждому судну предстоит пройти в общей сложности две тысячи верст. А там еще и порядка трехсот вверх по течению Нарвы и Великой. Да еще и с сухопутным волоком, потому как на Нарве у Ивангорода есть водопад, непреодолимый для судов. Ну да было бы желание. А желание у купца, похоже, имеется. Как бы не извернулся и на три рейса. Хотя-а... Нет. Это все же перебор.

Волок – дело такое, что быстрым не может быть по определению. И то, что там всего-то пара верст, ни о чем не говорит. Да и вверх по течению, с бурлаками, оно как-то не очень. Нужно будет озаботиться специалистом, чтобы прорыть канал. А таковые в Москве есть. Даром, что ли, столько речных путей и каналов.

Длина канала так себе, в общем и целом порядка тех самых двух верст и будет. И пусть сегодня все делается вручную, работы выполняются достаточно споро. А там и Иван может предложить кое-какие механизмы, что упростят земляные работы. Деньги? Ну, тут уж к батюшке, потому как ждать, когда появятся свои средства, не с руки.

Наличие же канала не только упростит доставку шведской руды, но еще и оживит торговлю, увеличив грузооборот. Плата за пользование каналом обеспечит стабильный и достаточно серьезный доход. Крестьян же, что сегодня про-

бавляются волоком, можно привлечь к обслуживанию канала. Эдак, глядишь, Карпов и никого по миру не пустит, и предприятие организует.

– В этом году всю руду не переварю. Буду складировать. А вот на будущий уже возьмусь всерьез, – подмигнул купцу Иван.

– Ага. И ту руду, что псковичи станут тебе стаскивать, тоже переработашь? Чего так глядишь? Присмотрел человек со стороны, как ты там на вече вещал, да быстренько ко мне с вестями.

– Переживаешь?

– Еще бы мне не переживать, Иван Архипович. Ить каждая та ладья мне в тысячу рубликов садится. С видом на прибыль все сбережения в них вкладываю. А тут ты вдруг возьмешь и заявишь, что деньги нет иль, там, обождать надо.

Иван понимал опасения купца. Нет, тот вкладывал в новое предприятие далеко не все свои средства. Плох тот купец, что не станет жаловаться на разорение. Но четыре тысячи – сумма все же изрядная. И не имей Ерохин дел с Карповыми раньше, ни за что не согласился бы на такую авантюру. Пусть и многообещающую.

Шутка сказать, но за минусом всех накладных расходов новое предприятие уже в этом году должно было не просто окупиться. Ожидаемая сумма чистой прибыли составляла порядка четырех тысяч рублей. А со следующего года должна возрасти до двенадцати тысяч.

– Не переживай, Авдей Гордеевич, мне тебя обманывать не след. Так что строй ладьи и вези руду. Через пару лет, глядишь, еще и мало будет. Придется тебе еще ладить кораблики. Или мне со шведом уговариваться, и пройдут денежки мимо тебя.

– Хм. Сказал бы, что попусту бахвалишься, да только сам бывал в Карповке вашей. Видел все своими глазами. Х-хе. То, что дозволили увидеть, – с хитрой ухмылкой уточнил купец и продолжил: – Так что вера у меня к тебе есть. Хотя и с сомнениями поделаться ничего не могу.

– А ты не сомневайся, – ободряюще произнес Иван и отправил в рот ложку с кашей, обильно приправленной сливочным маслом.

Мм! Вкуснотища-то какая. Странно, в прошлой своей жизни он вообще не ел кашу. Ну разве только в армии, где у него и выработалось стойкое предубеждение к этому блюду. А здесь уплетал за милую душу, получая несказанное удовольствие.

– Ну что же, не буду сомневаться. Да только все одно понять хочу, для чего тебе нужна еще и местная руда. Я тут узнавал, так она ни в какое сравнение со шведской не идет. Из той против местной железа вдвое получается.

– Верно. Болотная руда плохонькая. Но иной в окрестных землях нет. А случись со шведами какая оказия, и что тогда? Поставить заводы и потом палец сосать? А так пусть и плохонькая руда, и помучиться придется, однако и завод не

встанет, и прибыль будет.

– Ну, то дело твое. А вот что меня касается, то я вопрос имею. Болотную руду, что поплоче, тут же, под ногами, собирать станут. А я из-за моря привезу добрую. Примешь же ты и ту и другую по одной цене. Десять копеек за пуд. Заработаете же на шведской вдвое. Как-то некрасиво получается.

– Ты воду-то не мути, Авдей Гордеевич. Я ведь твою деньги не считаю. Вот и ты ко мне в мошну не заглядывай. И не думай, что самый умный. Чай, руду будешь скупать чуть не по копейке за пуд. Да потом на перепродаже моего же железа и стали заработаешь. Твои доходы уже через два года самое мало вдвое против прежнего поднимутся. А ты все туда же – «маловато будет», – припомнив мультфильм о лешем и елке, ерничая, закончил Иван.

Ухмыльнувшись и мотнув головой, мол, каков жук, Иван взял кружку со сбитнем и сделал добрый глоток, пропихивая кашу в желудок. Оно вроде и с маслицем, но без запивки как-то не то. Ага. Упала. Разлеглась. Теперь можно и еще одну ложечку. Вдогонку. Ай хороша каша!

– Ты лучше скажи мне, Авдей Гордеевич, караван-то на Москву отправил?

– Еще третьего дня. Как только наладил в путь-дорожку, так сразу и к тебе.

– Гаврила в курсе?

– Нет. Ему сказал, что как в Москве разгрузится, так пусть

тебя поджидает и далее – как ты велишь. Ты уверен ли в том, что удумал?

– Еще как уверен, Авдей Гордеевич. Нечего мастерским в Москве делать. За этим делом нужен глаз да глаз. А какой присмотр, коли на месте никого нет.

– Ну, то дело твое. За твои деньги хоть на руках все вынесем.

– Это да. Только все дело в цене.

– Ну, это как водится, – деловито развел руками купец.

После встречи с купцом и сытного обеда Иван направился к Рудакову. Все шло к тому, что Карпову удастся обернуться за один день, а уже рано поутру выдвинуться обратно. По меркам привычного Ивану мира, полсотни верст – и не расстояние вовсе, а так, сушая безделица. Здесь же – дневной переход для всадника, если без сменных лошадей. А потому в дорогу лучше все же собираться с утра...

Рудаков искренне обрадовался гостю и потащил того к столу, благо время было обеденное. Иван не стал отнекиваться, хотя и был сыт. Пришлось отдать должное хозяйке. Пусть и не ею лично приготовлено, тем не менее дом – это ее епархия. Понимать надо. И только после обеда они с Павлом уединились в его кабинете.

Не сказать, что не виделись до этого. Было дело, когда Иван только появился в Пскове. Во второй визит Карпова лекаря на месте не оказалось. Был на выезде, пользовал какого-то помещика, получившего увечье на охоте.

Вообще, Рудаков уже успел в Пскове обзавестись серьезным таким авторитетом. А то как же. Московская медицинская академия хотя и направляет сюда своих выпускников, но те – всего лишь молодежь, набирающаяся опыта. А по прошествии обязательного срока службы стараются побыстрее ретироваться из этой глухомани. И многие перебираются в Речь Посполитую, а там и дальше на запад. Ох, как это Ивану знакомо. Ничего не меняется.

Так вот, Рудаков смотрелся в выгодном свете даже на фоне московской профессуры. И дело вовсе не в том, что те тут отсутствовали и не составляли ему конкуренции. Нет. Павел уже давно и качественно превзошел своих учителей. За что был предан анафеме. Впрочем, жители Пскова о том ведали мало. А вот то, что выздоровевших у него побольше, чем отошедших в мир иной или ставших увечными, люди не приметить не могли. А отсюда и почет, и уважение, и добрая людская молва.

По классификации Ивана, Рудаков, конечно, в первую очередь – военный хирург. Но в ранах здесь недостатка нет. Во-первых, от Пскова до границы с Литвой не больше полусотни верст, а пограничные инциденты случаются с регулярным постоянством. Во-вторых, Псков – город торговый, и купцов тут хватает, на караваны которых случаются нападения. В-третьих, в окрестных лесах знатная охота. Карпов понятия не имел, как обстояли дела в его прежнем мире, но здесь крупного зверя много. А значит, и разных несчастий.

Было и «в-четвертых», и «в-пятых», словом, практика у лекаря весьма обширная.

– Ого. А это что такое? – Иван в удивлении указал на дверь, по всему виду, ведущую прямо на улицу.

Лекарь как раз провел его сквозь свой кабинет в соседнее помещение. Довольно просторное. С полками, заставленными всевозможными склянками, колбами, ретортами и тому подобным. У окна стол, пара стульев. Эдакое совмещение лаборатории, аптеки и приемного кабинета врача.

– Вспомнил твой совет по поводу лекарской лавки, – с готовностью начал пояснять Рудаков, поведя вокруг рукой. – Оцени. По нечетным дням седмицы я прямо тут устраиваю прием больных. Ну, если не уезжаю никуда. Здесь же осматриваю хворых, назначаю лечение, готовлю и продаю лекарства. Сейчас пытаюсь уговорить двух подлекарей работать со мной. Тогда мы сможем принимать больных каждый день, чередуя друг друга.

– А еще ты сможешь наконец обзавестись учениками, – решил подначить Иван.

– Или научиться чему-то умному у молодежи, – не подержав шутливую тона, возразил Павел. – Я, между прочим, и тут хаживаю в гости к знахаркам, продолжаю собирать у них знания. Все, до каких только могу дотянуться.

– Ну не заводись, Паша. Я же пошутил.

– Тоже мне шутник выискался, – недовольно хмыкнул Павел.

– Н-да-а, крепко же ты обижен на своего тестюшку, коль скоро так реагируешь на шутки. Не переживай, я тебя с этим самодуром ставить на одну ступень не собираюсь.

– Не смей так о Христофоре Аркадьевиче, – тут же вскинулся друг.

– Ладно, ладно, не закипай. Не сметь так не сметь. Прости, – выставив перед собой руки в примирительном жесте, тут же пошел на попятную Иван.

– Христофор Аркадьевич... Понимаешь, плох тот учитель, которого не превзойдет ученик. Но и принять это не так чтобы просто. Он уже оценил мои достижения, просто не может смириться с тем, что я так быстро вышел из-под его опеки.

Иван только отвернулся, чтобы друг не видел его выражения лица. Угу. Рассказывай сказки. Ни черта этот профессор не поймет и не примет. Хотя бы потому, что тогда ему придется признать, что он безнадежно отстал и теперь пришла пора самому поучиться чему-то новому. А это не так уж и просто. Не в том он возрасте. Опять же, шел он всю жизнь, шел и пришел к разбитому корыту. Нет, новое – это удел молодых и никак иначе.

Впрочем, развивать эту тему Иван не стал. Ну его. Еще не хватало поссориться на ровном месте. А у Карпова на Рудакова большие планы. Очень большие. Знал бы он. А пока...

– Паша, я тут тебе обещанную деньгу принес. Куда сгружать?

– И что, все пять сотен рублей?

– Все до копейки.

– А как же... – Павел с недоумением посмотрел на гостя.

– Что «как»? – не понял Иван.

– Ну-у, мешок-то где?

– Так вот он. – Иван хлопнул себя по животу. – Это я еще пару лет назад измыслил, когда появилась надобность в перевозке крупных сумм. Денежный пояс. Оно, конечно, в талии несколько раздаешься, зато очень удобно, и главное, вся сумма при тебе.

– Это же около пуда веса.

– Ага. И я о том же. Ну что, здесь сгружаем или в кабинет пройдем?

– Пошли в кабинет.

Карпов вовсе не поспешно подался в бега. Нет, Москву-то он покинул в течение пары суток. Но далеко не с пустыми руками. Еще чего не хватало! За день, проведенный в подземелье у великой княгини де Вержи, успел все обдумать и наметить план дальнейших действий.

Покинув узилище, Иван направился сначала в овраг, а потом с парнями к себе домой. Благо через княгиню знал точно, что там нет никакой засады. Розыск вел уже знакомый ему дьяк из Разбойного приказа и по совместительству человек Ирины Васильевны.

Дома вооружил парней по первому разряду. Разве только духовушка оказалась одна. Ее он без раздумий вручил до-

полнительным оружием Григорию. У того и практика побогаче, и обращается он с карабином получше. Здесь же озаботились припасами. А еще Иван поручил Серафиму на следующий день раздобыть лошадей. Путь им предстоял неблизкий.

Потом с половиной парней прогулялся к выкресту дяде Яше. Денег для осуществления собственных замыслов Карпову понадобится до неприличия много. А у еврея успела скопиться изрядная сумма. Нагружать пришлось всех товарищей. И это с учетом немалой доли золота. Шутка сказать, он увозил с собой в Псков двенадцать тысяч рублей!

– Ну и какие у тебя планы? – выгружая монеты в выставленный Павлом ящик, поинтересовался Иван.

– А какие планы. Теперь деньги есть, можно оборудовать настоящую лабораторию. Помещение тоже есть.

– Это дело хорошее. Но не хочешь ли ты подумать несколько шире?

– Например?

– Ну, например, построить госпиталь. Пригласить сюда пару-тройку товарищей и сподвижников. А то стоишь, репу чешешь, согласятся псковские подлекари или пошлют куда подальше.

– Госпиталь? – с недоверием переспросил Павел.

– Госпиталь, – с самым серьезным видом подтвердил Иван. – Землицу выбьешь. Чай, в ближниках у княгини, а ей с некоторых пор бояре вроде как благоволят.

– Постыдился бы поминать Елизавету Дмитриевну.

– А мне стыдиться нечего, Паша. Плевать, что там плетут злые языки, накласть в присядку на обвинение в посягательстве на честь царской семьи. Не было ничего. То пустые байки.

– А то, как она, презрев все запреты, правила и обычаи, ворвалась в палаты совета бояр и стала просить за тебя? Это как расценивать?

– Паша, я не пойму, ты поддерживаешь тех, кто разносит ложные слухи?

– Я знать хочу, кто у меня в друзьях, – государственный преступник или достойный муж.

– Любовь, Паша, не преступление. Тебе ли этого не знать.

– Ты понимаешь, о чем я.

– Не было промеж нас ничего. Даже если Елизавета Дмитриевна и любит меня, это ни о чем не говорит. Она другому отдана и будет век ему верна, – припомнив строки из «Евгения Онегина», ответил Иван. – И все. Хватит об этом.

– Эх, Ваня, наворотил ты.

– Не я наворотил, а наушник Меншиков. Оно ведь все можно выставить в дурном свете. Вот к чему ты при первой возможности над трупами измываешься и кромсаешь их, аки мясник? Уж не богопротивное ли удумал?

– Да я... Да ты... – даже задохнулся от возмущения Павел.

– Вот и я о том же, Павел Валентинович.

– Ладно. Уел.

– Проехали. А теперь к нашим баранам. Ну так как смотришь на это дело?

– Ты о госпитале?

– Именно.

– В общем-то нормально смотрю. Да только, боюсь, ты не представляешь весь груз. Место найдется. Даже не в посаде, а в Окольном городе. Здание поставить не проблема и не дорого. В Пскове нет московского запрета на деревянное строительство. Так что получится дешево и сердито. Но госпиталь – это не здание и не медицинский инструмент. Это в первую очередь сами лекари. Причем, коли браться за это дело, не абы какие.

– Так я и говорю о твоих друзьях, что поддержали тебя в твоём начинании.

– Есть такие. Четверо, – с горькой ухмылкой подтвердил Павел. – Один в Керчи с твоей легкой руки очень даже неплохо пристроился. Кстати, недавно получил от него письмо. Возвели в лекарское звание, мошна изрядно пополнилась. Лихие казачки за лечение платят не скупясь. Другой устроился на бывшей моей квартире в Москве. Пусть и не признан профессурой, но отбоя от клиентов нет. Третий в Новгороде, тоже в полном порядке. Четвертый забрался в Испанию. Доны весьма щедры на плату, когда речь идет об их дражайшем здоровье. Вроде все. И как прикажешь их сюда тянуть? Чем заманивать? – не без иронии задал вопрос Рудаков.

– Это смотря сколько им жалованья положить.

– И сколько ты готов им положить?

– А вот это сам решишь. Прикинешь, посчитаешь и потом мне расскажешь. Только не откладывай в долгий ящик. И учти следующее. Лекарская помощь для посадских и крестьян в госпитале должна быть бесплатной. А еще чуть дальше, через годик-другой, нужно будет, чтобы появились лекари в каждом пригороде.

– И они тоже должны будут лечить задарма?

– Вот ты и подумай, какое лекарям положить жалованье, чтобы они и с жиру не бесились, и были вполне обеспеченными.

– Ты представляешь, во что это тебе обойдется?

– А еще при госпитале должна появиться настоящая и самая современная лаборатория. Лишний, так сказать, стимул для твоих соратников.

– Иван.

– Да не гляди ты на меня так. Эта задумка станет не дороже денег. А уж серебро-то я зарабатывать умею. Надеюсь, ты в этом не сомневаешься?

– И зачем тебе это?

– А затем, Паша, что взамен я хочу получить то, что ни за какие деньги не купить. Коль скоро в псковских землях народ имеет силу, то не помешает получить толику любви этого самого народа... Хм. Так, говоришь, Елизавета Дмитриевна заступалась за меня на совете бояр?

– Да, – растерялся от смены темы Павел.

– Вот и ладушки. Тогда обратись для начала к ней. Пусть эта идея исходит от нее. Бросьте клич в народ, мол, жертвуйте на благое дело. Глядишь, и еще от кого обломится. Если княгиня станет проявлять участие в этой задумке, то обязательно найдется кому поддержать.

– И где тогда твоя выгода?

– А в деньгах, что я буду жертвовать. Уж поверь, девять из десяти рубликов моими будут. И как это ни скрывай, а слухи пойдут. Запомни, Паша: лучше всего люди верят в то, что от них хотят скрыть. Попомни мои слова, все будут точно знать о том, как бояре оттирают меня за мои же деньги. А я молчу и делаю все на благо народа.

– Уж не ты ли те слухи будешь распускать?

– А вот это уже не твоего ума дело. И еще. Ни в коем случае не отдавай эти средства в казну. Как бы ни уговаривали, как бы ни умасливали.

– Боишься, растащат по кошелькам?

– Не боюсь, Паша. Знаю. Поэтому есть ты и Елизавета Дмитриевна, вот вдвоем и правьте. И, кстати, наберите женщин, обучите ухаживать за больными да обзовите их, скажем, сестрами милосердия. Да форму учредите. Потом с тобой о том еще поговорим.

– Я тебя понял. В смысле не до конца, но...

– Но выгоду свою узрел, а?

– Вот если бы ты еще придумал, как мне трупы препари-

ровать, чтобы не угодить под церковный суд.

– Хозяйка, дай воды напиться, а то так есть хочется, что переночевать негде, – уже привычной присказкой с нескрываемой иронией произнес Иван.

– Да ладно тебе. Сколько раз ты мне уж это повторял, а потом все одно и помогал, и возможности изыскивал.

– Ну так всему свое время.

– А я и не против. Просто напоминаю, чтобы не забылось. Я в тебя верю, Ваня.

– Верит он. Ладно, Павел Валентинович. Пойду я. А то завтра у меня трудный день. Нужно будет поспеть вернуться в Замятлино.

– Две тысячи, – вдруг ни с того ни с сего произнес Рудаков.

– Что «две тысячи»? – вздернул брови Карпов.

– Я думаю, что на этот год мне будет достаточно двух тысяч рублей.

– То есть полутора, – кивая на шкаф, где было укрыто серебро, уточнил Иван.

– Без учета этих пятисот, – категоричным тоном уточнил Рудаков.

– Ну и аппетиты у тебя, Паша, – покачав головой, уважительно произнес Иван.

Нет, сомнений у него не было никаких. Рудаков увлечен своим делом, ему нравится медицина, он жаждет новых открытий и знаний. Так что хапнуть себе, да побольше, поболь-

ше, – это не про него. Если только потом кто-нибудь появится в его окружении. . .

Ночевали на постоялом дворе в посаде. Вот-вот начнется весенняя ярмарка, а потому в пределах городских стен с постоем определенные трудности. Хорошо как найдется местечко на сеновале. Вот и предпочел Иван пусть и в посаде, зато на постели. Причем чистой. Никаких тебе клопов и вшей.

Проснулся с рассветом, прекрасно отдохнувшим. Правда, в теле все одно чувствовалась ломота. Но это нормально. Чувствует оно, что сегодня ему достанется на орехи, вот и паникует.

Тут ведь какое дело. Просто так кататься в Псков как бы не с руки. Хозяйство пусть и небольшое, а три десятка человек на попечении все же имеются. Крестьянские же подворья достались ему в крайней степени разорения.

Словом, побывать в Пскове и не сделать необходимых закупок Иван не мог. На выучной лошади много не увезешь. Подводой будешь добираться двое суток. Вот и решил он смастерить катамаран из двух средних каноэ.

А что? Суденышко легкое, увезти способно до пятидесяти пудов груза. Если же устроить эдакий велосипед из двух приводных деревянных колес с натянутой меж ними веревкой и гребным колесом сзади, то получается уже очень даже интересно. Тут только не стоит гребца сажать, как на прогулочных катамаранах, потому как неудобно и быстро уто-

мит. Лучше как на велосипеде, когда можно использовать собственный вес.

Скорость суденышка доходит верст до десяти в час. А с учетом того, что педали крутить можно посменно, то и оставаться для отдыха не нужно. За световой день преодолеть порядка шестидесяти верст, а именно столько и выходит по реке, – никаких проблем. Да еще и груза увезти получится столько же, сколько на двух подводах. Красота!

Иван уже заканчивал завтрак, когда в обеденный зал, ну если можно так назвать небольшую комнату с тремя столами, вошел крепко сбитый, невысокий мужичок. Подвижный, как ртуть, он тут же направился к Ивану и, остановившись перед ним, поклонился, не так, как в Москве, но все же вызывая уважение к дворянскому званию:

– Здрав будь, Иван Архипович.

– И тебе поздорову. С чем пожаловал, Ерофей? Ить вчера вроде обо всем поговорили.

Вообще-то, разговор со старшиной плотницкой артели вчера ни разу не сложился. Цена, которую тот загнул, никак не могла устроить Ивана. Нет, он, конечно, не скупердяй и готов честно платить. Но только не переплачивать. А если и платить лишнее, то с определенным умыслом, а не потому, что у него вполне хватает серебра и нет особых сложностей с заработком.

Задумал Иван поставить целое село, с церковью и однотипными просторными подворьями. Да еще и за крепким

частоколом с надвратной и угловыми башнями. Псковская земля – довольно веселый край, да и от Замятлино до границы всего-то верст тридцать пять. Так что о защите приходится думать не в последнюю очередь. Потом-то все изменится, и частокол этот разберется. Но то потом. Сейчас же он просто необходим.

Словом, у старшины артели даже глазки загорелись от такого жирного заказа. Ну и обозначил он свою цену. Был поднят Иваном на смех да отправлен восвояси. Нет, артельщик палку не перегибал, все вроде было по совести. Но это если забыть о том, насколько жирный заказ ему должен обломиться. Никаких поисков, никаких перерывов и простоев. Работы с избытком с весны и до самой поздней осени. И то неизвестно, управишься ли, потому как Карпов намекнул, что одними только домами да церковью дело не обойдется.

– Мы тут с артельщиками посоветовались. В общем, устраивает нас твоя цена, Иван Архипович. Коли то предложение еще в силе.

– Предложение в силе. Иную артель я пока не искал. А потому собирайтесь, и милости прошу в Замятлино. Еще вопросы имеются?

– Только насчет задатка.

Ничего так мужик, не тушуетя. Подумаешь, вчера гоголем расхаживал, а сегодня сам же согласился на условия работодателя. Чай, без работы не останется. Не из последних артель-то.

– Сколько?

– Сто рублей.

– Не многовато?

– Так ведь семьи до самой осени без кормильцев оставляем. Меньше никак нельзя.

– Ясно. Значит, так. Вот тебе сорок рублей, – бросил Иван на стол перед собой звякнувший кошель, – раздашь артельщикам. Для поддержания штанов хватит. Больше у меня с собой нет. А как вскорости в Псков пойдем, так прихватим кого из твоих, чтобы он разнес остальное по домам. Ну чего глядишь? Кабы вчера не кобенился, все сполна и получил бы. А сегодня я уж ту денгу в иное место пристроил. Устраивает – забирай. Нет – прощевай.

– Добро, – согласился старшина, сгребая мешочек с серебром.

Вот так. Никаких договоров и свидетелей. Оговорили, ударили по рукам, и будь здоров. Шансы, что один кинет другого, минимальны. Время такое, совершенно иные люди, нравы и жизненные ценности. Разумеется, если говорить о правиле, а не об исключениях.

Едва только ушел плотник, как в зале тут же появился Борис. Вид довольный. Где-то даже игривое настроение присутствует. Не иначе как его переполняет предвкушение предстоящего путешествия. Это у Ивана организм в панику ударился, предвидя серьезные нагрузки. А для местных таковой катамаран – в первую очередь диковинка и развлечение.

– Все готово, Иван Архипович. Приказчик все припасы доставил, и мы их уже погрузили. Можно выдвигаться.

– Вы завтракали?

– Уж давно.

– Съестное в дорогу заказал? Не хватало еще останавливаться на готовку.

– Снедь в лодке.

– Ну, тогда с Богом.

Дорога прошла без приключений. Спокойный, погожий майский день. Разве только солнышко докучало, когда садился на педали. Впрочем, особо поработать не получилось. И дело вовсе не в том, что дворянин и господин. Парням и впрямь было страсть как интересно управлять катамараном.

Опять же, и руль Иван сделал на манер велосипедного. Лодка хорошо слушается, закладывая плавные и величавые повороты. Парни, озоруя, под видом обхода коряг и топляка закладывали те еще петли. Карпов предпочитал делать вид, что не замечает этого. Ну, ей-богу, как дети малые. А ну их. Пускай развлекаются. Тем более что от этого только польза. Скорость-то поддерживается нешуточная. Относительно, конечно. Но в мире вообще все относительно.

Глава 2

Кто с мечом к нам придет...

К часу пополудни путники были уже верстах в пяти от устья слияния Пенной и Великой. А там еще с полверсты вверх по речушке – и дом. Именно в этот момент они и услышали первые выстрелы, которые с каждой минутой становились все более отчетливыми. Не сказать, что палили, как на поле боя, но все же довольно интенсивно. И это были явно не учебные стрельбы его товарищей. Те, конечно, регулярно тренировались, но только по воскресеньям. А сегодня четверг. Так что ничего хорошего это означать не могло.

– Никак в Замятлино? – озвучил общую мысль Борис.

– Больше нигде, – уверенно подтвердил Иван. – Поспешать надо. До устья Пенной всяко-разно можно идти по Великой. А там разберемся. Емеля, крути педали что есть мочи. Борис, садимся на весла.

– Слушаюсь, – едва не в один голос ответили телохранители.

Ну да. Помимо гребного колеса, на катамаране были предусмотрены и весла с уключинами. Причем две пары. Мало ли какая надобность возникнет. Скорость эдак на пару верст возрастала, а если подналечь, так и на все три. И они налегли. Еще как!

Пока добрались до Пенной, перестрелка стала совсем вялой. Так, раздавались отдельные выстрелы с довольно значительными промежутками. И говорило это только об одном: нападающие серьезно получили по зубам и теперь стараются лишней раз не отсвечивать. А что? Очень даже реальный сценарий, учитывая точность оружия и опыт товарищей Ивана. Оно, конечно, могло быть и так, что... Но думать о плохом решительно не хотелось.

– Емеля, в Пенную входить не будем. Правь к той иве, – глянув себе за спину и указывая направление, приказал Карпов.

– Понял, Иван Архипович.

Вот и ладно, что понял. Катамаран вошел в пологий поворот и взял курс к намеченному участку берега. Еще немного, и, раздвинув тонкие прутья, нависшие над самой водой, лодка оказалась под сенью ветвей плакучей ивы. Вот все же удивительное дерево. Даже в самую знойную жару под ним всегда прохладно. И дело тут вовсе не в том, что весна и вода все еще стылая. Подобное наблюдается даже в южных широтах и посредине лета.

Привязали катамаран и поспешили на берег. Осознание того, что их товарищи сейчас отбиваются от противника, подстегивало похлеще иных стимуляторов. За транспорт и груз можно не переживать. Если не знать точно, что под ивой что-то находится, ни с воды, ни с берега лодку не рассмотреть. Разве только наткнешься совершенно случайно.

– Братцы, меняем порох на полках и в магазинах, – спохватившись, остановил бойцов Иван.

А и то. Оружие заряжали еще перед выездом из Замятлино, а прошло уже трое суток. Да еще на воде провели в общей сложности двенадцать часов. Нет, это вовсе не означает, что порох отсырел настолько, что ни на что не годен. Просто у кремневого оружия и без того слишком высокий процент осечек, чтобы увеличивать шансы дополнительными факторами. Ага. И еще не забыть протереть кресало от грязи и жиров спиртом. Тот вместе с ершиком находится в пенале на прикладе карабина.

Парням хорошо. У них обычные, так сказать, армейские образцы. Ссыпали порох с полок карабинов и заменили новым из пороховниц. А вот Ивану нужно вытрясать из магазина на кресале – эдакой коробочке, из которой порох подается на полку посредством дозатора. Да та же манипуляция и с револьверами. Впрочем, с револьверами пришлось помучиться всем троим.

Иван вообще подошел к оснащению своих людей со всей ответственностью. У каждого из них, помимо карабинов, было еще по одному револьверу. У самого Ивана и телохранителей – по два. Жаль, револьверы с унитарными патронами остались в Керчи, при денщике, которого де Вержи брать отказался. Он ведь прибыл арестовать Ивана. И без того во многом пошел навстречу.

Двигаться пришлось прямиком через лес. Не то чтобы на-

пролом, но использовать только звериные тропинки, ведущие в нужном направлении. Места тут малообжитые. Только и того, что в восьми верстах пригород Остров да вокруг него с дюжину деревенок и сел. А дальше озера, леса и болота. В этом же месте только одна деревенька, Замятино. Все. За ней одна сплошная глушь.

А потому и тропы натаптывать, кроме зверья, некому. Правда, есть одна стежка, найденная людьми. Вездесущие мальчишки, которые пробавлялись рыбалкой, натаптали. Ловля свежей рыбы – это их епархия. Когда время зимних заготовок, там уж в дело вступают мужики. Но они до Великой спускаются на лодках и никак иначе. Для промысла удочка не годится, тут сети и морды⁴ нужны. Да и улов как-то вывозить нужно. Словом, уже не баловство, а серьезный подход.

Вот только лучше бы тропу мальчишек обойти стороной. Потому как на общем фоне она очень даже различима, а значит, потенциально опасна. Вот и приходится пользоваться звериными путями, подчас продираясь сквозь ветви подлеска.

Они уже приблизились к опушке перед выпасами, когда шедший впереди Борис резко остановился и присел. Отсюда до их острога было не дальше трехсот шагов. А чем еще должна быть барская усадьба в этих развеселых краях, как

⁴ **Морда** – рыболовная снасть-ловушка, имеющая вид двух вставленных один в другой конусов, сплетенных из прутьев.

не острогом? Нет, понятно, что не стоит смотреть на окружающую действительность так-то уж радикально. Понятно, что и граница со шляхетской вольницей недалеко, и лихие случаются, но перебарщивать все же лишнее.

Все верно, чего уж там. Только у военных мозги всегда будут по-другому закручены. Не умеют они жить обычной гражданской жизнью. Обязательно устроятся с военным уклоном. Потому как военный – это не работа и не служба, а образ жизни. Когда еще служилый оттает и приспособится к мирным реалиям.

Вот и Иван с парнями, наученные горьким опытом, еще с зимы озаботились строительством острога. Благо с плотницкой артелью в неурочное время особых проблем не возникло. Правда, артельщики покрутили пальцами у виска. Мол, чудачки дремучие, кто же строит в зиму, да еще и из сырого леса.

Знали, о чем говорят, это верно. Щели в строениях уже сейчас начали появляться. А что будет дальше, и думать не хотелось. Но основательно можно будет отстроиться и после. Для начала же им нужен был укрепленный пункт, и острог вполне подходил.

А что прикажете делать, коль скоро на руках изрядная сумма? Вот был бы такой же надежный ростовщик, как дядя Яша, тогда совсем иное дело. Но Ивану таковые известны не были. Как, впрочем, и старому выкресту.

– Что там, Борис? – поравнявшись с телохранителем и

опустившись на колени, скорее выдохнул, чем спросил Карпов.

– Да вон они, аспиды, – так же выдохнул боец.

Ага. А вот начинает прорисовываться картина в целом. Острог, стоящий несколько на отшибе от деревеньки. Н-да. Деревня. Три небольшие избенки с постройками, обнесенные плетнями. Вот и все поселение. Ничего, бог даст, вскоре тут станет куда интереснее.

Но то картина известная. А вот валяющиеся на еще не поднявшейся весенней траве с десятков тел – это уже нечто новенькое в знакомом пейзаже. Как и вспухшее на стене острога белое облачко с донесшимся звуком выстрела. И если судить по направлению вырвавшегося из ствола дыма...

Та-ак. А вон они и нападающие. В смысле никого особо не рассмотришь. Просто видно, что примерно в паре сотен шагов вправо кто-то есть. Кто-то, не больно-то и знакомый с лесной наукой, а потому легко определяется среди подлеска. Конечно, деталей не рассмотреть и из острога. А потому и в том, что пуля найдет свою цель, имеются определенные сомнения. Но свинец, ударивший в ствол или прошуршавший по ветвям, по нервам все же пройдет.

Так. С виду ситуация патовая. Засевшие в остроге не могут достать укрывшихся в лесу. Нападающим нечего и мечтать добраться до обороняющихся. Даже будь у них винтовки с диоптрикой, поди попади с такого расстояния в бойницу, которую отсюда и не увидеть. Подойти поближе – под-

ставиться под меткие выстрелы. И трупы на лужайке весьма красноречиво указывают на то, что лучше бы этого не делать.

Ох, что-то Ивану это напоминает. Вот такая же ситуация была на Урале, когда на них напали башкиры. Йолки! Один в один! Н-да. Вот только почти. Все же тогда им удалось извести лес на куда большее расстояние, и лучникам было никак не достать до острога. А тут...

Со стороны нападающих в сторону обороняющихся полетела стрела, оставляющая за собой дымный след. Чуть погодя еще одна. Потом еще. И еще. Если начнется пожар, а он рано или поздно начнется, то это радости не добавит. Уже сейчас Артем будет вынужден отрядить часть людей на поиск и тушение горящих гостинцев. С первым же возгоранием придется выделить еще больше людей. И если нападающих наберется хотя бы с пару десятков и у них есть лошади...

Послышалось ржание. Ага. Кони у противника есть. Значит, и преодолеть открытое место за короткое время они успеют. Пар-разиты! Интересно, Гришка тоже отсиживается за стенами или уже воспользовался подземным ходом? Эх. Разведать бы. Да некогда. Еще немного, и пожгут все, сволочи!

– Братцы, слушай мою команду. Расходимся и движемся в сторону этих гадов. Между собой держимся в десятке шагов, не больше. Идем скрытно. Если есть возможность взять в клинки, делайте. Нет. Палите не задумываясь. Вопросы?

– Да чего спрашивать. Ясно все, – пожал плечами Емеля.

Ага. В особенности в отношении клинков. У обоих бойцов сабельки имеются. И обращаются они ими не в пример лучше, чем со штык-тесаками. Хотя и штыками не пренебрегают. Нет, в рукопашной Ивану с ними не равняться.

Едва сделал первый шаг, как потянул из ножен тесак и пристроил его на стволе. Случись противник с длинным клинком, и Ивану противопоставить ему нечего. Нет, если бы при нем были его револьверы с унитарным патроном, то для рукопашной они подошли бы как нельзя лучше. Ну да нет их, и хватит об этом. Есть в руках карабин со штыком, и уже не все так безнадежно.

Как Иван ни старался, а первым противника заметил Емеля. Вот только что крался, как здоровый матерый котяра, и вдруг сорвался, словно камень, пущенный пращой. Мгновение – и после отрывистого шороха ветвей и листьев послышался сдавленный стон. Вроде негромкий, и в то же время в сознании Ивана он прозвучал иерихонской трубой.

Впрочем, услышал это не он один. Из-за листвы кустов подлеска тут же послышались тревожные выкрики. Емеля выдернул из тела штык и навскидку, практически не целясь, выстрелил в пока еще невидимых Карпову врагов. Мало кустов, так еще и дым в лесу не спешит развеиваться.

Вот листва раздалась в стороны, и перед ним шагах в двадцати возник какой-то мужик в сером кафтане. Не успел вскинуть карабин, как выстрелил Борис. Неизвестный тут же повалился на землю, оглашая округу паническим и болез-

ненным криком. Каким-то неестественным криком. Но что с ним не так, Ивану разбираться было некогда.

Ломиться сквозь кусты, понятия не имея, что там впереди, – глупее не придумаешь. Карабин в левую руку. Правой извлечь гранату. Отработанным и привычным движением большого пальца скovyрнуть берестяной колпачок. Крутнуть колесико кресала. Есть дымок!

Чугунная чушка улетела за кусты. Время тянется бесконечно долго. Вот в просвете листьев появился еще кто-то. Выстрел! Молочно-белая пелена, но кое-что рассмотреть все же можно. Есть! Правда, на таком коротком расстоянии, стреляя из винтовки и метя в грудь, попасть в ногу... Даже если стреляешь навскидку... Ну-у-у, бывает.

Иван тут же позабыл о своем намерении воспользоваться штыком. Вместо этого выронил карабин и выхватил сразу оба револьвера. Отточенным движением повел оружием вдоль бедер, взводя при этом курки. Долго тренировался. Пижонство? Возможно. Зато какая экономия времени выходит. К сожалению, сколь-нибудь приемлемо стрелять с двух рук так и не получилось научиться. Ну да, похоже, здесь придется биться лицом к лицу.

Хлопок взрыва. Рядом прожужжало. То ли осколок, то ли картечина из начинки. Плевать. Время. У них только одно преимущество – внезапность. Ошеломят, запутают, испугают, обратят в бегство – и тогда они выиграли. Нет. Им троим не выстоять, а товарищам от острога не поспеть.

Пробегая мимо раненого и не желая тратить на него заряд, врезал по голове ногой, как по футбольному мячу в момент решающего пенальти. Кажется, услышал хруст позвонков. Впрочем, только и того, что кажется. Не до этого Ивану сейчас. Ясно одно: вырубил качественно, и тот на какое-то время не противник. А такой бой по определению не может длиться долго.

Откинул ветви кустов. А вот и разбойнички! Мозг как-то отстраненно отмечает странный облик лихих. Шагах в пятнадцати от него неровная живая стенка из вооруженных мужиков. Не иначе как отпрянули после взрыва гранаты. Судя по всему, никого не задело. Может, просто слегка оцарапало?

Да плевать. Куда занятнее сами нападающие. Десятка два их. Одежда вполне приличная. У некоторых даже дорогая. Все вооружены огнестрелом! Только у двоих арбалеты с наложенными болтами, на одном из которых уже горит промасленный пучок пакли. Это что за бандиты такие?!

Мысли пронеслись в голове буквально в один миг, пока он вскидывал обе руки с револьверами. А в следующий Иван уже нажал на спуск, и грохнул дуплет. Треснули выстрелы справа и слева. Это Емеля с Борисом отметились. И тут же, побросав револьверы, ринулись в рукопашную, на ходу выхватывая сабли и ножи.

Роняя себя на колени, Иван ругнулся на тему стереотипов местных относительно огнестрельного оружия. После

выстрела оно отбрасывалось в сторону, в дело же вступали клинки. И нужно слить несколько бочек пота, чтобы вытравить из них это. Уж из ветеранов точно. Потому Иван и старался заполучить молодняк. Дабы учить, а не переучивать.

А еще Карпов успел удивиться тому обстоятельству, что оба его выстрела достигли цели, свалив двух противников. Правда, один из них точно был ранен, так как схватился за плечо. Одного из разбойников достал Емеля. Качественно. Наповал. Борис промазал.

Едва Иван упал на колени, как почувствовал пролетевший над головой горящий арбалетный болт, снесший мурмолку⁵. В ноздри вроде бы даже ударил запах паленых волос. Вот только вдаваться в детали некогда. В отличие от подчиненных, он предпочитал огнестрельное оружие. Поэтому руки с револьверами пошли вперед вдоль левого бедра, упираясь в него кресалами и курками, становящимися на боевой взвод.

Руки сами делают всю работу. Глаза наблюдают за происходящим. А посмотреть есть на что. Емеля и Борис вломились в нападающих, как кабаны. При этом бешено орудуя клинками и оглашая окрестности яростными криками. Трое бегут на Ивана, громко выкрикивая какой-то воинственный клич. Тот вновь вскинул револьверы и поочередно нажал на спуск. Два выстрела раздались с коротким промежутком. И...

⁵ **Мурмолка** – русский головной убор, шапка с плоской тульей из алтабаса, бархата или парчи, с меховой или матерчатой лопастью в виде отворотов.

Нет, он определенно сегодня в ударе! Двое нападающих валятся на землю. Впрочем, и расстояние, отделяющее их, смехотворно. Всего-то шагов семь. Один из них, запнувшись, так и проехался по жидкой траве до Ивана.

Сам Карпов, осознавая, что перезарядиться не успевает, выбросил свое тело вперед, навстречу третьему, уже замахи- вающемуся саблей. Вложив в это движение всю массу своего тела, Карпов выставил вперед правую ногу, насаживая на нее разбойника, не ожидавшего подобной подлости. Дух из него выбило качественно и надолго. Он только и успел, что высоко взбрыкнуть ногами и рухнуть на спину, сильно при- ложившись головой оземь.

Иван же отскочил назад, стараясь охватить всю картину боя и вновь взводя курки единым отработанным движени- ем вдоль бедер. Поэтому он отчетливо различил раздавшие- ся чуть в стороне выстрелы. Как и увидел повалившихся на траву бандитов. И это могло означать только одно: обороня- ющиеся не собирались отсиживаться за стенами и, воспользо- вавшись подземным ходом, предприняли вылазку.

Впрочем, сообразил это не только он. Многие нападавшие также пришли к выводу, что соотношение сил резко измени- лось. Причем тут, по-видимому, сработал принцип «у страха глаза велики». А потому, бросив товарищей, уже ввязавших- ся в рукопашную и не замечающих ничего вокруг, остальные ринулись в заросли подлеска.

Иван вновь вскинул револьверы и выстрелил в бегущих.

Но... Хотя расстояние продолжало оставаться небольшим, на этот раз ни один из выстрелов не достиг цели.

Потом он решил помочь своим бойцам. Вновь взвел курки. Прицелился с правой руки в одного из наседавших на Емелю и нажал на спуск. Осечка. Быстро переложил револьвер из левой руки... Разбойник, в которого только что целился Иван, вдруг ни с того ни с сего замер, словно схлопотал в грудь сильнейший удар, и изломанной куклой упал на землю. Интересно!.. Прицелился в другого. Выстрел! Есть!

Впрочем, загадочное происшествие прояснилось очень быстро. Кстати, оно имело повторение с еще одним нападающим. Вновь взводя курок, Иван наблюдал за тем, как на помощь его телохранителям приходят Ефим и Игорь. Бойцы из его первого стрелецкого десятка, отправившиеся с ним на Псковщину. А чуть в стороне скользнула фигура Григория с воздушкой наперевес. Иван четко рассмотрел как само оружие, так и набалдашник глушителя.

– Гришка, не увлекайся! – только и успел выкрикнуть Иван.

– Понял, – раздался в ответ полный задора и огня голос.

Очень хочется надеяться, что действительно понял. Бросаться в атаку очертя голову, как только что поступили Иван и его телохранители, – дурь несусветная. Но, признаться, он тогда не видел иного выхода. Разбойники очень даже могли спалить острог, и какова обстановка у обороняющихся, Иван не знал. Вот и решил атаковать с ходу. Сейчас же ситуация в

корне изменилась, и инициатива полностью была в их руках.

Парням помощь Карпова больше не понадобилась. А вскоре из-за деревьев послышался топот множества лошадей. Судя по всему, всадники – а повозкам по звериным тропам не пройти – удалялись в сторону Пенной. Ага. Получается, они собираются воспользоваться бродом, что на тракте. Не сказать, что там сейчас так уж мелко. Половодье как-никак. А потому лошадам по грудь будет. Но переправиться вполне возможно.

И куда дальше? Да кто же их знает. Для начала не мешало бы понять, кто это вообще такие. Разбойники? Ага. Как бы не так. Скорее уж господа со своими холопами. Нет, гадания ни к чему путному не приведут.

– Тяжелых добить. Легких тащите на беседу, – начал отдавать распоряжения Иван, как только из-за кустов появился Григорий.

– Трех ссадил, – довольно сообщил парень. – Где-то с дюжину ушли. И остальных лошадок с собой заводными увели. Там только четыре осталось.

– Та-ак. И сколько же их было? На лугу лежит где-то с десятков. Здесь... Дюжина. Трех ты там прибрал. Да с дюжину ушло. Хм. Около четырех десятков выходит. И все при хорошем оружии. Григорий, займись-ка пленными.

– Сделаю, – недовольно дернув уголком губ, тут же ответил друг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.